Мария Макушева — о возможности патриотического воспитания для НЕЗЫГАРЬ

Согласно последним данным Левада-центра (признан иноагентом), 80% опрошенных россиян считают, что детские организации наподобие пионерской нужны (ранее, 19 мая, в день юбилея пионерии, было анонсировано создание новой детско-юношеской организации).

По мнению сторонников, такая организация могла бы воспитывать детей, уберечь их от вредных привычек, прививать патриотизм. Противники подобной организации видят в ней пережиток прошлого, способ навязывания идеологии.

Похожая дискуссия развернулась и по поводу введения патриотического воспитания в школах. По данным ВЦИОМ, в том, что школа должна участвовать в патриотическом воспитании молодежи, уверены 67%. Однако его наполнение остается под вопросом.

Дискуссию о патриотизме в принципе можно считать одной из черт российской идентичности. В этой связи стоит задаться вопросом о том, возможно ли сегодня патриотическое воспитание и если да, то в какой модели?

Вообще, внимание к ценности родного и локального — не следствие замыкания общества или признак движения к тоталитаризму. Локальность — это глобальный тренд. И среди молодежи в последние годы чувствовался запрос (по материалам качественных интервью) на то, чтобы быть частью глобального мира, но быть особенным, сохранять идентичность. Молодые люди искали ответы: что такое россиянин в XXI веке? Что такое современный (не советский, не дореволюционный и

патриархальный) русский?

Однако между этим запросом и патриотическим воспитанием — большой разрыв.

Патриотическое воспитание сегодня в значительной степени ориентировано в прошлое. А взгляд молодого человека — в настоящее и будущее. Память сплачивает. Символы и предметы национальной гордости были и остаются востребованными. Но молодым людям они нужны не только в прошлом, но и в настоящем — из области современной материальной и духовной культуры. Если условной программе патриотического воспитания удастся интегрировать в себя такие примеры — это залог успеха.

Дома нет консенсуса. Современное общество более сегментированное, чем было в советское время. Дети погружены в разные ценностные контексты, образы жизни и модели потребления. Подчас и внутри семей, как показала ситуация вокруг СВО, могут возникать непримиримые противоречия.

Сама актуальная повестка по-разному отражается на разных семьях. В отличие от советского прошлого, сегодня нет единой доктрины — совокупности норм, определяющих поведение каждого для достижения общих целей. Сами цели и образ будущего не для всех очевидны и одинаковы. Дети приходят в школу из разных сред, приносят с собой разные взгляды, сверяются с разными значимыми другими.

Сегодняшние дети, в отличие от советских, погружены в сложный информационный контекст, создаваемый школой, сверстниками, старшими родственниками, сетевыми группами интересов. Они видят разные точки зрения и разных лидеров мнений. Они хотят дискутировать, проверять на прочность, сверять оценки. И если не видят встречной открытости к диалогу — замыкаются.

Особая сложность — это поиск правильной интонации. В самых разных сферах — от восприятия выступлений политиков до оценки социально-ориентированного кино — мы видим: если в высказывании читается назидательность и манипулятивность, это

вызывает отторжение и снижает эффект.

Все эти доводы подчеркивают важность поиска форматов для разговора – о современной России и мире, о том, чем можно гордиться в стране и на малой родине, о проблемах – от неравенства до экологии.

К этому стоит добавить, что в современной школе также нет ценностного консенсуса. После череды реформ, притока нового поколения педагогов, эта среда значительно менее гомогенна, чем в советское время. Кто в ней хочет и может поддержать проблемный диалог с детьми? В какой форме ей этот диалог интересен и близок? Как она реагирует на методические рекомендации по патриотическому воспитанию? Как показал опыт пандемии, посредник может играть решающую роль в реализации любой программы.

Читать оригинал: НЕЗЫГАРЬ